

Берсенев В.Л.

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ОРИЕНТИРЫ ДЛЯ ДИСКУРСА¹

Берсенев
Владимир
Леонидович

доктор исторических
наук, профессор,
Институт экономики
УрО РАН, академик
МАДИ

На рубеже 2009–2010 гг. в Институт экономики УрО РАН практически одновременно обратились две московские организации – Центр руссиеведения ИНИОН РАН и Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования – с просьбой дать экспертные заключения по отдельным вопросам их деятельности.

Даже первые впечатления от ознакомления с представленными на экспертизу материалами достаточно наглядно иллюстрируют ту теоретико-методологическую, мягко говоря, неопределённость, которая преобладает в среде профессиональных «руссиеведов», и незавидные перспективы формирования национальной идеи силами такого рода аналитических центров.

Центр руссиеведения ИНИОН РАН предлагал принять участие в подготовке справочника «Руссиеведение: исследователи и научные проекты». Логично было предположить, что его основу составит информация об учёных из разных отраслей знания, рассматривающих российскую цивилизацию с различных сторон (история, экономика, культура), а также сведения о крупных работах, осуществлённых в рамках данной проблематики за последнее время. Однако, если судить по тематике справочника, в итоге проект должен был представлять собой скорее коллективную монографию по регионалистике. Его можно также рассматривать в качестве ещё одного свидетельства «моды» на дискурс-исследования, то есть на анализ не содержательной стороны явления, а особен-

ностей возникновения терминологии, это явление описывающей, скрытых смыслов и т. д. Ещё более этой стилистике соответствовал Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования, который направил на экспертизу результаты конкурса по разработке общенационального девиза, проводившегося в рамках проекта «Национальная идея России».

Общеизвестно, что девиз как одно из воплощений национальной идеи должен отражать сущностные стороны страны и нации, их истории и современного статуса. Иными словами, общенациональный девиз не может содержать благие пожелания на будущее, какие-либо сиюминутные и конъюнктурные моменты и т. д. Тем не менее, среди нескольких десятков вариантов девиза, представленных на конкурс, встречались и такие нелепости, как «Будущее Российской Нации – в высокотехнологичной экономике и инновациях» (в трёх версиях), и безудержно оптимистичное «Россия – земля счастливых!», и даже безапелляционное «Без России не могут земляне быть счастливыми».

Похоже, немалое число авторов проектов общенационального девиза посчитало, что он должен представлять собой пословицу или поговорку («Ум-душа-Россия – наш капитал и сила», «Без России нет Земли красивой!») либо цитату из песни («Мы рождены, чтоб сказку сделать былью!», «Вперёд и вверх, а там...»). В ряде случаев предлагались четверостишия, не имеющие ничего общего ни с поэзией, ни с девизами.

Ещё более неуместным выглядело использование околорелигиозных мотивов («Поступай с ближним своим, так как хотел, что бы поступали с тобой»²) и текстов, рождённых в иной исторической и социокультурной среде. В частности, проект девиза «Все под одним солнцем» практически копировал «Все под небесами» – лозунг, под которым Цинь Шихуан объединил враждующие китайские царства в единую Поднебесную империю в 221 г. до н. э.

Определённый позитив несли только такие императивные фразы, как «Вперёд, Россия!»

(в различных вариациях встречалась 5 раз) или «Россия навсегда» (встречалась 3 раза), однако и они выглядели достаточно абстрактно. Организаторы конкурса в качестве оптимального варианта предлагали девиз «Спаси и сохрани себя, Россия», акцентируя внимание на том, что в виде аббревиатуры он звучал как СССР.

Эксперты из Института экономики УрО РАН выдвинули своё предложение – девиз «Больше чем страна». Предполагалось, что в данном случае указание «больше» характеризует не размеры государства, а, с одной стороны, распространённость ценностей и идеалов российской цивилизации далеко за пределы страны, и с другой – вовлечённость в этот цивилизационный ареал представителей различных национальностей, проживающих на территории России.

Однако и здесь, как и в случае с проектом Центра руссиеведения ИНИОН РАН, возникла трудность концептуального характера. Необходимо было определиться с тем, что следует понимать под российской цивилизацией, на основе какой системы показателей оценивать уровень её развития, какую терминологию применять и т. д.

Контент-анализ наиболее распространённых определений позволяет выделить главный тренд цивилиографии – рассмотрение цивилизации как особого этапа в развитии человечества. В большинстве случаев она прямо ассоциируется с культурой, иногда же культура рассматривается как компонент цивилизации, а помимо этого отличительными признаками, свидетельствующими о достижении этой стадии эволюции, называются появление устойчивых форм политической и социальной организации общества, включая правовые системы, переход от эзотерических верований к институционально оформленным религиозным культам, достижение определённого уровня развития техники и технологий, налаживание устойчивых сетей обмена (торговли) и т. д., вплоть до возникновения монументальной архитектуры и искусства.

Сложнее обстоит вопрос о территориальных границах, в рамках которых цивилизация предстаёт как целостное явление. Французские просветители XVIII в. рассматривали цивилизацию³ вне привязки к конкретным странам и народам, и только в 1819 г. это слово впервые было

использовано во множественном числе⁴, и тем самым было положено начало признанию того факта, что цивилизации могут быть ограничены временными, национальными и иными рамками, то есть различаться между собой.

В таком случае и вопрос о числе известных истории цивилизаций также становится дискуссионным, поскольку о существовании тех или иных локальных цивилизаций невозможно говорить с полной уверенностью в силу недостаточности источниковой базы, чрезмерной мифологизированности известных науке сведений и т. д. Отсюда неудивительно, что А. Дж. Тойнби, работая над своим фундаментальным трудом «Постижение истории», постепенно сокращал число цивилизаций, охватываемых его концепцией, пока не остановился на том, что их было всего 21⁵. О. Шпенглер, утверждая, что у каждой культуры есть своя цивилизация, предпочёл свести их совокупность всего к восьми – от вавилонской до западной⁶. Наконец, С. Хантингтон также выделил всего восемь цивилизаций, правда, применительно исключительно к современности⁷.

Примечательно, что Н. Я. Данилевский за полвека до О. Шпенглера уже утверждал, что самобытные цивилизации представляют собой культурно-исторические типы, и выделял 10 таких типов⁸, включая романо-германский или европейский. Вместе с тем о славянском культурно-историческом типе в последней главе⁹ своей книги «Россия и Европа» (перв. изд. 1871) он говорит как о только зарождающемся и при этом противостоящем европейской цивилизации. Образно это представлено в виде двух потоков истории. Первый – небесный, божественный, ведёт через Иерусалим и Царьград в Киев и Москву, второй – земной, человеческий, течёт мимо Афин, Александрии и Рима в страны Европы. Тем самым и в рамках цивилиографии как зарождавшейся ещё в тот момент науки был поднят вопрос об «особом» пути нашей страны на протяжении тысячелетия существования российской государственности.

Своеобразное «промежуточное» положение Киевской Руси – Московского царства – России предопределило как тяготение российского общества к европейским политическим, философским и культурным ценностям, так и постоянную зависимость от традиции восточного деспотизма, в результате чего в отечественной истории про-

рывы в новое качество развития перемежаются периодами террора и застоя.

Казалось бы, главной, непосредственно бросающейся в глаза причиной такого положения должно было стать наследие татаро-монгольского ига, однако С.М. Соловьёв – автор концепции «догоняющего развития», увидел причину не в конкретном нашествии, а в необходимости быть в постоянное готовности отразить всякое нашествие вообще. Государство с небольшим населением, но обширной территорией и открытыми границами, нуждалось в содержании большого войска. В мирное время военачальники неизбежно должны были занимать правительственные должности, совмещённые с судебными. Поскольку бедное государство было не в состоянии выплачивать регулярное жалование, то оно предоставляло им право «кормиться» за счёт управляемой местности.

Л.Н. Гумилёв весьма своеобразно охарактеризовал эту ситуацию, утверждая, что московские служилые люди «стремились не к защите своих прав, которых у них не было, а к получению обязанностей, за несение которых полагалось «государево жалованье». Тем самым они, используя нужду государства в своих услугах, могли защищать свой идеал и не беспокоиться о своих правах»¹⁰.

Отсюда, в то время как Европа переживает аграрный переворот и активизацию торгово-промышленной деятельности в городах, в России наблюдается усиление крепостничества как одной из основ государственности. Именно Пётр I, вошедший в историю как реформатор, придал крепостному праву законченные черты, введя в 1724 г. вместо подворного обложения «подушную подать», прикреплявшую крестьянина не только к земле, но и к «лицу землевладельца». Ещё один итог петровских преобразований заключался не в рождении промышленности как таковой, а в создании тогдашнего военно-промышленного комплекса, позволившего империи претендовать на место среди великих держав при отсутствии или неразвитости многих атрибутов европейской цивилизации.

К примеру, русские просветители XVIII века, в отличие от своих французских учителей и единомышленников, были обречены на непонимание со стороны российского общества, поскольку

в стране не сформировалось третье сословие – главная ударная сила европейских революций эпохи Нового времени. Древнерусские города не знали «коммунальных революций» – восстаний горожан против феодальной зависимости. Если в Европе правилу «Нет земли без сеньора» был противопоставлен лозунг «Городской воздух делает свободным», то у нас на статус вольных городов могли претендовать только Новгород и Псков, не считая ряда мелких поселений. Впрочем, и они утратили свои вольности в период формирования Московского царства.

Однако не случайно сказано, что если в стране нет парламента и политических свобод, наиболее действенной формой народного волеизъявления становится бунт. Четыре крестьянские войны¹¹, а также великое множество мелких крестьянских и городских восстаний наглядно опровергают модный ныне среди либералов-сахаровцев тезис о якобы имманентно присущей русскому народу рабской психологии. Напротив, предприимчивость в сочетании с идеей служения Отечеству позволили русским расширить границы своего государства до естественных географических (океаны, горы, пустыни) и геополитических (соседство с сопоставимыми по силе странами) пределов.

Л.А. Моисеева подчёркивает, что территорию, на которой впоследствии образовалось первое русское государство, населяли более 150 племён, но славянское доминирование среди них не вызывает сомнения, поскольку именно язык восточных славян выступал связующим звеном между культурами входивших в ареал зарождавшейся российской цивилизации народностей¹². Впоследствии именно русский язык и богатство русской культуры выступали в качестве факторов, обеспечивавших позитивные тенденции интегративных процессов в масштабах империи.

В этом плане прослеживается ещё одно коренное отличие российской цивилизации от европейской, и связано оно с преобладающими методами формирования «жизненного пространства». Э. Стиллман и У. Пфафф отмечают, что «стремление владеть не только физическим окружением, но и социальным порядком – вот особая страсть западного человека»¹³. Отсюда проистекает склонность Запада к массовому насилию при решении проблем любого уровня.

А. И. Уткин выделяет три наиболее ярких периода массового насилия в истории Запада:

1. Эпоха Реформации и Контрреформации (XVI–XVII вв.), апофеозом которой стала, пожалуй, Тридцатилетняя война (1618–1648 гг.).

2. Эпоха Великой Французской революции и наполеоновских войн (1789–1815 гг.).

3. XX век – эпоха столкновения идеологий, особенно в период Второй мировой войны (1939–1945 гг.)¹⁴.

Эта схема явно нуждается в дополнениях. Отдельно можно выделить ещё и эпоху колониальных захватов, которая растянулась на несколько столетий – от начала Великих географических открытий до конца XIX в. Конечно, европейцы при этом творили насилие вдалеке от своего континента, однако логика формирования колониальных империй предполагала, что заморские территории должны были становиться неотъемлемой частью ареала европейской цивилизации. Наконец, рубежные десятилетия XX–XXI вв. предстают как эпоха массового применения Западом «гуманитарных интервенций» для решения не столько глобальных, сколько частных задач геополитического толка (установление контроля над ресурсами третьих стран, налаживание новых транспортных коридоров и т. д.).

Принципиальное отличие российской цивилизации заключается в том, что при её формировании насилие не играло определяющей роли. В отношении территорий, населённых народностями с неразложившейся родоплеменной структурой и не имевшими своей государственности применим термин «мягкая колонизация». Неизбежные при этом конфликты, включая вооружённые, не сопровождалась, тем не менее, политикой геноцида, в отличие, например, от целенаправленного истребления индейцев в процессе заселения европейцами Северной Америки.

На среднеазиатском направлении первоначально колонизация также происходила достаточно мирно (протекторат над Хивинским ханством в 1700 г., подписание в 1731 г. ханом Малой казахской орды Абулхайром договора о принятии в российское подданство и др.). Более конфликтный характер носила российская экспансия в земельные районы Средней Азии в середине и второй половине XIX в., однако это было следствием геополитического катаклизма

более высокого уровня, а именно – соперничества России и Великобритании за влияние в регионе.

В чистом виде покорению с помощью военной силы были подвергнуты лишь территории Северного Кавказа и частично Закавказья. Здесь наблюдался определённый парадокс: для того, чтобы обеспечить вхождение в состав России территорий, изъявивших такое желание (не без давления внешних обстоятельств в виде Турции и Персии, конечно же), необходимо было подавить сопротивление горских народов, практиковавших «набеговую экономику» и тем самым угрожавших и без того ненадёжным коммуникациям, связывающим Закавказье с Россией. Тем не менее, добровольное вхождение одних народов через частичное истребление других состоялось, и это исключение только подтверждает общее правило, то есть признание того факта, что ареал российской цивилизации формировался иными методами, нежели ареал цивилизации западной.

Поэтому и представляется вариант общенационального лозунга «Больше чем страна» наиболее адекватным, потому что российская цивилизация – это не цивилизация русских или – шире – восточных славян, поскольку в её рамках представлены народы, объединённые преимущественно не насилием, а стремлением и желанием существовать в одном культурном поле.

Однако сказанное не отрицает вопроса о допустимых и возможных альтернативных путях формирования и эволюции российской цивилизации. Обывательское утверждение, что история не знает альтернатив, применимо только к событийному ряду, и то при условии достоверности хроник, эти события зафиксировавших. Даже различные варианты толкования одного и того же источника допускают множественность версий происходившего. Зародившееся в середине XX в. направление экономической истории – клиометрика – предполагает, что историческое исследование может быть экспериментом, суть которого состоит в выдвижении гипотезы и либо в её подтверждении, либо в опровержении, а сама гипотеза носит системный характер и включает в себя, в виде составляющих, предположения о том, что модель исследуемой системы достаточно адекватно отражает структуру и функции объекта исследования.

Соответственно, в качестве эксперимента в историческом исследовании может выступить

только некая альтернативная модель прошлого, отражающая иной возможный вариант развития тех или иных тенденций, иные стороны известных явлений, иную содержательную картину состоявшихся когда-то событий.

Ведущую роль в исследованиях по альтернативной экономической истории играет в настоящее время синергетика, согласно которой эволюция вообще не является жестко детерминированной. Можно выделить периоды, когда направление развития изменить нельзя (так называемое движение по аттрактору), и точки бифуркации, где возникает возможность выбора¹⁵. При этом при расчёте альтернативных моделей следует соблюдать три основных требования:

1. «Точка бифуркации», то есть момент времени, с которого начинается расчёт альтернативного варианта развития, должна быть конкретно определённой и связанной с реальными событиями, допускающими различные тенденции в последующей эволюции системы.

2. Допущения, лежащие в основе ретроальтернативных прогнозов, не должны быть фантастическими.

3. Привлекаемая для расчётов статистика должна быть достоверной или, по крайней мере, восприниматься как таковая.

Очевидно также, что сравнительную оценку оптимальности реального и виртуальных сценариев необходимо проводить по нескольким параметрам: во-первых, одно и то же событие может дать обществу благотворный импульс в его политическом развитии, но оказаться неблагоприятным с точки зрения экономики; во-вторых, оценки степени благотворности многих событий могут сильно варьироваться в зависимости от идеологических предпочтений исследователя.

Сотрудникам Института экономики УрО РАН в 2006 г. удалось смоделировать достаточно достоверный вариант развития сельского хозяйства Среднего Урала в 1995–1998 гг. при условии, что увлечённое либеральными экспериментами высшее руководство страны приняло бы решение о всеобщей фермеризации сельского хозяйства¹⁶. Доработанный вариант применявшейся для расчётов методики предполагается использовать для построения ретроальтернативной модели реализации современной экономической реформы при допущении, что ГКЧП в августе 1991 г. сумел бы

сохранить контроль над ситуацией. Впрочем, возможны и иные варианты предполагаемого развития событий в точке бифуркации.

Следующим этапом апробации постоянно обновляемой методики ретроальтернативного прогнозирования вполне может стать поиск ответа на вопрос, как бы стала формироваться российская цивилизация при условии, что Великая Степь вынудила бы русичей сосредоточиться на экспансии исключительно в западном и юго-западном направлениях. Возможно, Русь стала бы наследницей Византийской империи не только в духовном, но и практическом плане. И тогда вопрос об ориентирах для дискурса российской цивилизации рассматривался бы совсем по-другому.

Примечания:

1. Статья подготовлена на средства гранта РГНФ № 11–12–66002а/У.
2. Стилистика оригинала, демонстрирующая уровень грамотности неизвестного плагиатора, сохранена.
3. Принято считать, что впервые слово «цивилизация» употребил граф О.Г. Мирабо в трактате «Друг законов» (1757). – См.: Сравнительное изучение цивилизаций. С. 10.
4. См.: Февр Л. Цивилизация: эволюция слова и группы идей // Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. С. 262.
5. См.: Тойнби А. Дж. Постижение истории. М.: Прогресс, 1996. С. 83 и др. Впрочем, Л.А. Моисеева утверждает, что, выделив первоначально 100 самостоятельных цивилизаций, А. Дж. Тойнби в конце конов сократил их число до 13. – См.: Моисеева Л.А. История цивилизаций: Курс лекций. Ростов н/Д: Феникс, 2000. С. 7.
6. См.: Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность. М.: Мысль, 1993. С. 163, 164 и др.
7. См.: Huntington S. The Clash of Civilization and the Remaking of the World Order. N.Y.: A Touchstone Book, 1996.
8. См.: Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. С. 88. Мексиканский и перуанский культурно-исторические типы Н.Я. Данилевский специально не рассматривал, как погибшие насильственной смертью и не успевшие «совершить своего развития».
9. Там же. С. 469–509.
10. Гумилёв Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Мысль, 1989. С. 624.
11. Среди специалистов нет единства мнений по поводу того, можно ли отнести восстания под руководством Ивана Болотникова и Кондратия Булавина к крестьянским войнам, но в данном контексте этой дискуссией можно и пренебречь.
12. См.: Моисеева Л.А. История цивилизаций. С. 336.
13. Stillman A., Pfaff W. Politics of Hysteria. N.Y., 1964. P. 4.
14. См.: Уткин А.И. Запад и Россия: история цивилиза-

- ций. М.: Гардарики, 2000. С. 526–527.
15. См.: Князева Е., Курдюмов С. Синергетика: начала нелинейного мышления // *Общественные науки современность*. 1993. № 2. С. 38–52; Митина О., Петренко В. Динамика политического сознания как процесс самоорганизации // *Общественные науки и современность*. 1995. № 5. С. 103–115; и др.
16. См.: Берсенёв В.Л., Горст А.П. Опыт ретроальтернативного прогнозирования развития социально-экономических систем (на примере сельского хозяйства Свердловской области в 1990-е годы) // *Экономика региона*. 2007. № 2. С. 33–43.

Зайнетдинова Р.А.

СОБАКА – РОД – СТО

(К ВОПРОСУ О ЛИНГВОФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ В СССР)

Зайнетдинова
Регина Аликовна

кандидат философских наук, преподаватель кафедры философии и культурологии Института международных связей

Марризм – значимый и по длительности, и по содержанию период в истории практической языковой политики в СССР – как теория не только не исчерпал себя на сегодняшний день в России¹, но и привлек внимание зарубежных исследователей. В 2004 году в Лозанне известным историком русской науки о языке Патриком Серио была проведена международная научно-философская конференция «Потерянная парадигма: марристская лингвистика в СССР». Н. Я. Марр и его учение участниками этой конференции был воспринят по-разному: как «великий шаман», как «противник лингвистического позитивизма, наряду с А. Потебней, И. Бодуэном де Куртенэ, Г. Шухардтом, Э. Кассирером и К. Фосслером», как «философ и генератор идей», как «промежуточное звено между индуктивно-уровневой и дедуктивно-дискурсивной лингвистиками».

По замечанию В.М. Алпатова, в международной лингвистической энциклопедии Н. Я. Марр оказался единственным удостоенным персональной статьи лингвистом, который назван русским². В. М. Алпатов рассматривает марризм как явление

вполне соответствующее мифотворческой атмосфере в СССР 20-х – 50-х гг. прошлого века. По его мнению, трагедией нашей отечественной науки о языке стало то, что по ряду причин вненаучного характера его идеи внедрялись в качестве догм; а в том, что еще до официального признания и насаждения «новое учение о языке» имело несомненную популярность, Алпатов видит подтверждение его притягательности как мифа. Как иначе можно объяснить терпимость научного сообщества по отношению к идеям «ученого», который в своих исследованиях по истории слов, отбрасывая строгие фонетические законы, открытые наукой XIX века и основывался на внешнем созвучии? Например, Марр связал немецкие слова *hund* (собака) и *hundert* (сто), руководствуясь следующими «закономерностями развития»: собака – тотем «собака» – члены рода – множество людей – много – сто.

Особую роль здесь сыграло совпадение деятельности Марра с периодом кризиса компаративистского подхода в мировом языкознании. Вопросы происхождения и развития языка в западной науке в это время отходят на второй план в связи с развитием структурализма и синхронных исследований. В противоположность структурализму, изучающему языковую структуру, марризм не только продолжает исторический подход к языку, но и ставит целью своего исследования период зарождения языка. Периоды возвышения и падения марризма совпадают с изменениями идеологической ситуации в СССР. Здесь В.М. Алпатов ссылается на версию Р. Лермита, согласно которой космические идеи Марра, его национальный нигилизм, отвержение всей русской науки были созвучны атмосфере двадцатых годов, но в начале